

— Настоящий мужчина должен уметь приспосабливаться к обстоятельствам, Брат Цзыцзюнь. Ради дела можно и гордостью поступиться, пожертвуй малым! — взмолился Хуа Тянь.

Лань Цзыцзюнь посмотрел на темный, грязный лаз для собак. Лицо его потемнело от гнева. Он ткнул пальцем в сторону Хуа Тяня, не в силах вымолвить ни слова от возмущения:

— Ты...

— Понимаю, для тебя это унизительно, но клянусь — никто не узнает! — Хуа Тянь перехватил его грозящий палец и преданно заглянул в глаза.

— Да ты... — Цзыцзюнь вырвал руку и снова указал на собачий лаз.

— Брат Цзыцзюнь, Инъин мне как сестра, я не могу её бросить. Смилуйся, пощади мою бедную Инъин! — В голосе Хуа Тяня слышались слезы, он едва не разрыдался на месте.

Лань Цзыцзюнь внезапно сменил гнев на милость:

— Ладно. Но сначала лезешь ты, а я за тобой.

Не ожидая, что упрямца удастся убедить так быстро, Хуа Тянь уставился на него с глубочайшей признательностью.

Смутившись под этим восторженным взглядом, Лань Цзыцзюнь выхватил у него из рук буддийскую нишу и бесцеремонно подтолкнул к лазу:

— Пошел уже, давай.

Тот благодарно кивнул, набрал в грудь воздуха и полез внутрь.

На полпути он застрял — проем оказался слишком узким. Поняв, что ни двинуться вперед, ни вылезть назад не может, Хуа Тянь в панике закричал:

— Брат Цзыцзюнь! Застрял! Подтолкни!

Лань Цзыцзюнь не заставил себя ждать. Разбежавшись, он от души отвесил застрявшему хорошего пинка под зад.

— Ай-яй-яй! — взвыл Хуа Тянь, наконец вылетев на ту сторону стены, прямо в поместье Лю. Кое-как поднявшись на ноги и потирая ушибленное место, он забеспокоился: как же его спутник пролезет сюда с тяжелым глиняным сосудом в руках? — Брат Цзыцзюнь, передай мне

сначала сосуд!

— Брат Цзыцзюнь? Брат Цзыцзюнь!.. — Сколько он ни звал, за стеной царило гробовое молчание.

«Неужели сбежал? Решил, что лазать по собачьим норам ниже его достоинства?» — Хуа Тянь в тревоге заметался у стены. Обратно соваться не хотелось — если застрянет снова, то не просто к Инъин не попадет, а вообще позорно сгинет в этой стене.

О небо, Лань Цзыцзюнь, ну что ты там делаешь?

Лань Цзыцзюнь и в самом деле счел протискивание сквозь лаз непозволительным для себя делом, однако уходить не собирался. Достав бумажный амулет, он прилепил его к груди и зашептал заклинание. От самых пят повалил густой сизый дым. Секунда — и его тело обратилось в невесомое облако, которое легко перевалило через стену и прямо на глазах у онемевшего от изумления Хуа Тяня вновь обрело плоть.

Хуа Тянь долго не мог прийти в себя, прежде чем испуганно прошептал:

— Брат Цзыцзюнь, ты с ума сошел? Зачем пустил в ход магию? Не боишься кары небесной?

— Тьфу на тебя! Прикусил бы ты язык со своим карканьем, — огрызнулся Лань Цзыцзюнь, мгновенно ошетилившись.

— Да ладно тебе, я же не Дахэй, чтобы каркать, — попытался отшутиться Хуа Тянь.

— Я всего лишь обратился дымом, который случайно перенесло порывом ветра. Никакого взлома и проникновения, — с самым невозмутимым видом оправдался Цзыцзюнь.

— Тогда почему меня ты так не перенес? — обиделся Хуа Тянь. Теперь-то до него дошло: этот хитрец с самого начала даже не думал лезть в собачью нору.

Лань Цзыцзюнь проигнорировал его жалобы и, бережно прижимая к себе сосуд, двинулся вглубь сада.

Время не ждало, нужно было спасать Лю Инъин. Хуа Тянь обиженно надулся, но поспешил следом.

— Нам сюда? — нерешительно спросил Цзыцзюнь. Его сомнения были оправданны: покои Лю Инъин выглядели зловеще. Окна наглухо занавесили черной тканью, двери заколотили досками, а все стены пестрели желтыми полосками бумажных амулетов. Дом казался склепом.

— Старик Лю совсем с ума сошел! Он же заживо ее хоронит! — вскипел Хуа Тянь, срывая со стен зловещие печати. — В такой могиле и здоровый человек испустит дух, а Инъин и без того еле дышит!

— Оставь ты их, скорей внутрь! — поторопил его Цзыцзюнь.

Хуа Тянь ударом ноги распахнул дверь. На постели, безвольно свесившись набок, лежала Лю Инъин. Жизнь едва теплилась в ее теле, бледном, как у покойницы.

— Инъин... Инъин... — Цзя Лань внутри глиняного кувшина почуял неладное. Сосуд задрожал, дух отчаянно заколотил в крышку изнутри.

Спутники бросились к постели. Тонкие нити души девушки уже отделялись от тела, тая в воздухе, а ее измученная плоть содрогалась в предсмертных судорогах.

— Дело дрянь! Душа покидает тело! — Лань Цзыцзюнь выхватил чистый амулет, схватил лежащий на столе нож и без лишних слов полоснул Хуа Тяня по пальцу. Выступившей кровью он стремительно начертал на бумаге сдерживающие знаки и припечатал амулет ко лбу умирающей. Судороги прекратились, угасающий дух замер на самой границе бытия.

Все произошло так быстро, что Хуа Тянь опомнился лишь пару секунд спустя. Зажав пораненную руку, он обиженно завопил:

— Брат Цзыцзюнь, больно же! Ты так ловко меня полоснул, будто каждый день чужие пальцы режешь!

— А ты как думал? Спасаем твою зазнобу, не мою же кровь проливать, — не оборачиваясь, буркнул Цзыцзюнь, продолжая закреплять защитное плетение над телом девушки.

— Тсс, потише ты, — шикнул Хуа Тянь, робко косясь то на буддийскую нишу с духом Цзя Ланя, то на бездыханную Инъин.

Наш записной заступник наконец-то уяснил свою скромную роль в этой истории: обычный статист, которому суждено лишь со стороны вздыхать.

— Заклятие долго не продержится. Если хочешь что-то сказать ей — поспеши, — Лань Цзыцзюнь коснулся пальцами лба девушки и тихо скомандовал: — Пробудись.

Лю Инъин медленно приоткрыла глаза. Она еще не успела до конца прийти в себя, как из ее глаз хлынули слезы. словно после целой вечности разлуки, она хрипло прошептала:

— Брат Хуа...

И в это простое «брат Хуа» уместилось столько тепла, что Хуа Тянь мгновенно забыл о бывших обидах. Ради этого момента стоило пройти сквозь любые преграды.

Сердце его болезненно сжалось. Чтобы не показывать своей слабости, он поспешно отвернулся и украдкой утер набежавшие слезы.

— Я привел его, — шмыгнув носом, Хуа Тянь повернулся обратно. Сдерживая рыдания, он протянул девушке глиняный сосуд.

Дрожащими руками Лю Инъин приоткрыла буддийскую нишу. Окутанный мягким сиянием, Цзя Лань мгновенно вырвался на свободу.

— Инъин! — выдохнул он и потянулся к ней, мечтая заключить в объятия, но его бесплотные руки лишь безвредно прошли сквозь ее плечи.

— Что происходит?.. — растерянно прошептали влюбленные, переводя полные отчаяния взгляды на Хуа Тяня.

Тот беспомощно посмотрел на Лань Цзыцзюня. Судья вздохнул и негромко пояснил:

— Цзя Лань — бесплотный дух, а Инъин еще удерживает земную оболочку. Живому не коснуться мертвеца.

— Значит, нам суждено обняться лишь тогда, когда я умру? — тихо спросила Лю Инъин.

Лань Цзыцзюнь бросил быстрый взгляд на Хуа Тяня, помрачнел и промолчал.

— Брат Цзыцзюнь, не молчи. Говори как есть, — попросил Хуа Тянь. Нехорошее предчувствие ледяной хваткой сжало его грудь.

— Будда Шакьямуни не оправдал Лю Инъин. В глазах небес она по-прежнему преступница. После смерти ее душу ждет не перерождение, а полное уничтожение. Она рассеется без следа.

Каждое слово Цзыцзюня разило более палаческого клинка. Столько усилий, столько преодоленных преград ради одной цели — подарить девушке жизнь! И теперь все их надежды рушились из-за прихоти высшего божества.

— Я поднимусь на небеса и лично спрошу с этого Будды Татхагаты! — в ярости выкрикнул Хуа Тянь.

— Поздно, — Лань Цзыцзюнь указал на девушку. Очертания Лю Инъин уже подернулись

дымкой, амулет на ее лбу начал тлеть.

Даже если бы время терпело, Цзыцзюнь костями бы лег, но не пустил Хуа Тяня в Западный рай. Уберечь его от безумных поступков было его прямой обязанностью.

Лю Инъин ничего не знала о владыках небес, но горькое слово «уничтожение» поняла без труда. Впрочем, в ее глазах не было ни страха, ни сожаления — лишь глубокий, умиротворяющий покой. Она мягко коснулась ладони Хуа Тяня:

— Брат Хуа, не нужно. У меня больше не осталось обид. Честно.

Но уходить всегда легче, чем оставаться. Тем, кто выжил, суждено нести груз памяти сквозь долгие безрадостные годы. Хуа Тянь судорожно сжал ее пальцы, отказываясь отпустить. Бессилие перед лицом надвигающейся смерти душило его, вытягивая последние крупы воли.

В этом долгом, пронзительном взгляде они словно заново прожили беззаботные детские годы, разделили несбывшиеся надежды на тихое семейное счастье и простились навек. Поняв все без лишних слов, Хуа Тянь медленно разжал пальцы. Его лицо разгладилось, буря в душе улеглась, сменившись ледяной решимостью.

Лю Инъин повернулась к призраку и мягко улыбнулась:

— Подожди меня еще немного.

Цзя Лань ответил ей кроткой, преданной улыбкой.

Девушка в последний раз прильнула к груди Хуа Тяня, вкладывая в это прощальное объятие всю свою невысказанную благодарность:

— Брат Хуа... Спасибо тебе за все.

Сдерживать слезы больше не было сил. Хуа Тянь обнял ее в ответ и глухо, навзрыд разрыдался.

— Неужели оно того стоило? — шептал он, зарываясь лицом в ее пахнущие полыньей волосы. Ему отчаянно хотелось спрятать ее, растворить в себе, забрать тайком в Подземное царство, лишь бы уберечь от жестокого неба.

— Стоило, — прозвенел ее тихий голос. Лю Инъин отстранилась и озарила мрачную комнату прощальной, ослепительно светлой улыбкой.

Лань Цзыцзюнь молча наблюдал со стороны, скрестив руки на груди. Он ждал неминуемой

развязки этой трагедии: полного исчезновения девичьей души, вечного отчаяния призрака и слепой ярости Хуа Тяня. Но то, что произошло дальше, застало строгого судью врасплох. Словно договорившись заранее, эта троица разыграла финал по совершенно иному сценарию.

Прежде чем Цзыцзюнь успел хоть как-то помешать, Лю Инъин решительным жестом сорвала со своего лба кровавый амулет. Тело ее обмякло, а высвободившаяся душа взмыла под потолок. В последнее мгновение перед тем, как ее угасающий дух окончательно растаял в воздухе, Цзя Лань успел поймать ее в объятия.

Сгорая в руках возлюбленного, Лю Инъин рассыпалась мириадами сверкающих искр. В тот же миг в Книге жизни и смерти, зажатой в руках Лань Цзыцзюня, золотые иероглифы ее имени подернулись пеплом и бесследно истлели. В трех мирах больше не осталось души с таким именем.

Цзя Лань ловил пальцами тающие золотые пылинки, все еще хранившие едва ощутимое земное тепло, и счастливо улыбался.

— Вверяю себя тебе, — дух низко поклонился Хуа Тяню и безропотно скользнул обратно в буддийскую нишу.

Заметив, как Хуа Тянь медленно поднимает буддийскую нишу над головой, Лань Цзыцзюнь опомнился. Он рванулся вперед и мертвой хваткой вцепился в его запястье:

— Что ты задумал?!

— Как думаешь, Брат Цзыцзюнь, безгрешен ли Будда Шакьямуни? Способен ли он на ошибку?

— тихо спросил Хуа Тянь. Его взгляд, обычно легкомысленный, сейчас светился пугающей безмятежностью.

— Ты о чем?.. — Цзыцзюня обдало холодом. В этот миг перед ним стоял не беспечный приятель, а грозный владыка подземного мира, Янь-ван.

Пальцы судьи невольно разжались. До него наконец дошел их замысел — уязвить самолюбие высокомерного Будды Шакьямуни, заставив его признать поражение. Но Цзыцзюнь разгадал лишь половину правды. Другая же состояла в том, что Цзя Лань, потеряв свою любовь, и сам не желал влачить жалкое посмертное существование.

Хуа Тянь с силой обрушил буддийскую нишу на каменные плиты пола. Дерево с треском раскололось, и теплившийся внутри огонек души Цзя Ланя вспыхнул в последний раз, а затем беззвучно угас, унесенный ворвавшимся в комнату сквозняком.

— Какое облегчение... Какая благодать! — пробормотал Хуа Тянь, шумно выдыхая. Он потянулся было к лицу, чтобы утереть застрявшую на ресницах слезу, но передумал. Пусть

остается. Будто лишь эта одинокая капля могла доказать, что все произошедшее не было дурным сном.

— Ладно, идем. Долги нужно возвращать, — бодро скомандовал он, мгновенно возвращаясь к своему привычному, слегка беспечному тону.

Лань Цзыцзюнь лишь молча покачал головой. Постичь ход мыслей этого безумца ему было не под силу.

Вскоре они вновь предстали перед воротами Западного рая. Но на сей раз Хуа Тянь шел по залам небесной обители без тени прежнего трепета. От его бывшей почтительности не осталось и следа.

— Пресветлый Будда Шакьямуни, каюсь! Вчера маковой росинки во рту не было, руки так ослабли от голода, что я случайно выронил вашу буддийскую нишу, — с самым невинным и сокрушенным видом заговорил Хуа Тянь, бережно извлекая из широкого рукава наскоро склеенные черепки. — Но вы не гневайтесь, глядите — я все починил, как новенький стал!

Великий Будда Татхагата не выказал ни капли гнева. Спокойно улыбаясь, он поднялся со своего лotosового трона и неспешно приблизился к визитерам. Лань Цзыцзюнь за его спиной подобрался всем телом и сжал кулаки, готовый в любую секунду ринуться в бой.

Хуа Тянь склонился ниц, однако в его опущенной голове и расправленных плечах сквозило такое непоколебимое величие, что оно затмевало любые поклоны.

— Пустяки, обыкновенная безделушка. Не стоило Владыке ада утруждать себя починкой, — мягко промолвил Будда Шакьямуни. Он забрал грубо слепленные обломки и вернулся на свой трон.

Лань Цзыцзюнь наконец перевел дух. Слава небесам, все обошлось.

Однако стоило им повернуться к выходу, как вслед донесся тихий, проникающий под самую кожу голос Будды Шакьямуни:

— Господин Хуа. Наша встреча не последняя. У нас впереди еще много времени.

Не пытаясь разгадать скрытый смысл этой угрозы, Хуа Тянь лишь вежливо склонил голову и покинул чертог.

— Ну вот и все... — Хуа Тянь с наслаждением потянулся и без сил повалился на спину Дахэя. —

Брат Цзыцзюнь, я выжат как лимон. Разбуди меня, когда прилетим.

Маска властного и гордого правителя Подземного царства осыпалась, обнажив смертельную усталость. Глаза его закрылись, и он мгновенно погрузился в глубокий, безмятежный сон.

Лань Цзыцзюнь поудобнее перехватил спящего за шиворот и направил верного ворона обратно в Подземное царство.

<http://bllate.org/book/18412/1796465>